

е малороссийской легенды Сорок лет, изданной Костомаровым в 1881 году. Лев Николаевич Толстой to1st
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Окончание малороссийской легенды "Сорок лет", изданной Костомаровым в 1881 году.
Лев Николаевич Толстой

В эту же первую ночь, с 12-го на 13-е августа, когда он (убийца), после разговора с сыном, лег один спать в своей комнате, началось его наказание.

"Нет бога, нет души, нет наказания! Как хорошо, как покойно! И как много и долго я понапрасну мучал себя. Все боремся друг с другом, все губим друг друга, чтобы жить, как это сказал Александр. Борьба за существование: вот закон! И другого нет. И мне бог дал быть победителем. Бог дал! Все остается эта глупая привычка. Не бог какой-то дал, а я сумел быть победителем; вот мне и хорошо. И всякий борись; а кто поборол, пользуйся своей победой. Я поборол и пользуюсь. Хорошо было мне жить, только воспоминание отравляло; теперь же будет еще лучше, совсем хорошо. Я понимаю, что им завидно (он вспомнил слова схимника). Им завидно: каждому хочется. А хочется, так борись. Сам борись, а не жди, чтобы тебе дали. Вот и Александр..."

Он вспомнил, как Александр говорил ему на днях, что положенных ему двадцати тысяч в год мало. Он просил прибавить ему еще десять тысяч, и, когда он отказал, он был недоволен.

"Положим, он рассчитывает иметь все, когда я умру..."

И вдруг Трофиму Семеновичу очень ясно пришло в голову, что сын должен желать его смерти.

"Борись, чтобы быть победителем. Я боролся – убил купца; мне нужна была его смерть, и я взял его жизнь. А ему, сыну моему Александру, чья смерть нужна?"

Он остановился и привстал в ужасе на постели.

"Чья смерть? – Моя! – Да, я стою ему на дороге. Сколько бы я ни давал ему, ему лучше, чтобы я умер и он был бы хозяином".

И Трофим стал вспоминать взгляды и слова сына, и во всем он видел то, что сын желает его смерти. И не может не желать.

"А если желает и он – образованный человек, без суеверий, так он должен меня убить. Положим, он не захочет погубить себя. Но есть яд!"

И вдруг ему вспомнился разговор сына о старинных ядах, таких, которые убивают так, что следов нельзя найти.

"А если у него будет этот яд, то как же он не даст его мне? Он должен дать!"

"Он говорил уже, что я запускаю дела, он говорил, что можно сделать больше. Да, стакан чаю – и готово! Подкупить людей, повара, они все продажны".

Он стал вспоминать своего камердинера-щеголя.

"Этому дай тысячу рублей – и готово, да и повару тоже".

Трофим взволновался, думая это, и, чтобы успокоиться, хотел выпить стакан сахарной воды, стоявший на столике у его кровати. Он взял в руку стакан: на дне было что-то белое. "кто знает, что это? – Нет, не обманешь!" – сказал он и вылил воду; затем пошел к раковине и выпил воды оттуда. "Да, борьба всех против всех. А бороться, так не зевать: буду осторожнее. Буду пить и есть то, что будет есть жена... Да и она тоже. Она знает, что ей пойдет седьмая часть. А ее бедные родные давно требуют от нее. Да, война, так война! Надо так поставить себя, чтобы им не было выгоды в моей смерти. Надо написать завещание такое, которое лишило бы их всего, чтобы смерть моя была невыгодна им. Да, завтра сделаю это и объявлю им".

Он хотел заснуть, но мысли не давали ему спать. Он стал сочинять завещание. Надел халат и туфли, подошел к столу и стал писать начерно завещание, в котором

е малороссийской легенды Сорок лет, изданной Костомаровым в 1881 году. Лев Николаевич Толстой толст он отдавал все состояние на богоугодные заведения. Окончив это, он хотел лечь; но тут пришла ему мысль о лакее, о дворнике. Он сам переносился в душу лакея и говорил себе: "Что, если бы я был бедняк лакей и получал бы пятнадцать рублей жалованья в месяц, и за пять комнат от меня спал бы богач с деньгами, и я бы твердо 1000 знал, как я знаю теперь, что нет бога, нет и суда. Что я сделал бы? Я сделал бы, что я сделал с купцом". И на Трофима нашел страх; он опять встал и стал запираеть свою дверь, но задвижка не держала, и он, задвинув дверь креслом, привязал его полотенцем к ручке и на кресло поставил кресло, чтобы оно загремело. Только тогда он затушил свечу и проспал так долго, что жена обеспокоилась и пошла отворить дверь. Кресла упали и загремели, Трофим вскочил испуганный, бледный.

"кто? что? караул!"-даже закричал он и долго не мог опомниться. Ему при пробуждении показалось, что его пришли убивать. Когда он опомнился, то сказал, что он из осторожности загородил, и постарался скрыть свой страх; но сколько он ни старался, с этого дня и домашние и прислуга стали замечать в нем большую перемену. Прежде он бывал весел, бывал и сердит, бывал ласков и добр, бывал и уныл, когда думал о своем грехе. Прежде он одних не любил, других любил, особенно детей - внуков. Теперь же он всегда был одинаков, всегда был молчалив, осторожен, на всех смотрел подозрительно и со всеми, даже с детьми, был одинаково холоден. Завещание сделалось для него главным занятием с этого времени. Долго не мог он сделать такого, какое ему хотелось сделать. Все приказные, которые приезжали к нему за этим делом, не могли угодить ему. Он писал, и переписывал, и переменял. В пище он также стал особенно требователен. Иногда самые вкусные и любимые его кушанья он оставлял, не отведав их, часто отказывался от обеда и приходил в середине стола и брал у сына или дочери или жены начатую тарелку и тогда только ел. Вино он сам покупал особо и держал в своей комнате в шкапу. Делами он стал заниматься меньше; но когда и занимался, всегда скрывал от домашних свои барыши и сколько он получает. Деньги, которые доставляли ему прежде столько радости, теперь только мучали его. Он старался уберечь их от других и чувствовал, что уберечь их нельзя против таких людей без бога, каким он сам был. Он чувствовал, что если все узнают то, что он знал и что знает его сын, что бога и суда нет, то тогда никакие силы не сохранят его. Его убьют, отравят, отнимут состояние обманом или силой. Одно было спасение: не показывать людям того, что он знает, что нет бога и суда, а, напротив, внушать им, что есть бог, что есть суд. И потому еще последняя перемена, которая сделалась с Трофимом после 12-го августа, была та, что он стал особенно набожен, таким, каким еще не был во всю свою жизнь. Он не пропускал ни одной службы, постился все посты, среды и пятницы, не пропускал никогда случая внушать своим семейным, и своим знакомым, и своей прислуге, что есть бог и его закон и что те, которые не будут соблюдать его, погибнут и будут жестоко наказаны в будущей жизни. Он внушал это даже своему сыну, делая вид, что забыл все, что говорил с ним, или что раскаивался в этом.

С самого того срока, 12-го августа, когда он уверился в том, что ему бояться нечего и некого, что бога нет и что теперь ничто ему не мешает жить вполне в свое удовольствие, не только отпали все его удовольствия, но из всех удовольствий сделались мучения. Страх убийства, отравления, обмана, самых страшных преступлений в своей семье и между своими домочадцами не оставлял его. Он подозревал всякого человека во всех самых ужасных замыслах, и боялся, и ненавидел всякого человека, и жену, и сына, и дочь, и всех людей. Даже маленькие внуки его, которых он прежде любил, теперь казались ему злыми зверьками. Ему казалось, что они так же ненавидят его, как он ненавидел людей. Чтобы спастись от своего страха, он делал не переставая два дела: первое, принимал меры осторожности против всех людей; второе, внушал людям, что есть бог, суд божий. Он считал, что его спасение в том, чтобы уверить людей в том, во что он сам не верил. Состояние его, которое все увеличивалось, уже не радовало, но пугало его. Семейные были его враги. Простых радостей - еды, питья, сна, и тех у него не было. Он во всем подозревал злые против себя замыслы.

Так прожил несчастный Трофим еще более десяти лет. Странности его были всем 73b видны, но страданий его никто не видал. А страдания его были велики. Страдания его были, главное, в том, что жизнь его - он чувствовал - была испорчена страхом, который обуял его, а поправить ее он никак не мог, никак не мог освободиться от страха, а между тем то, чего он боялся, надвигалось все ближе и ближе.

Так промаялся Трофим двенадцать лет, и один раз, придя от обедни и позавтракав у

е малороссийской легенды Сорок лет, изданной Костомаровым в 1881 году. Лев Николаевич Толстой to1st себя в комнате и выпив вина, запертого у него в шкапу, он лег спать и больше не проснулся. Смерть Трофима была внезапная и легкая.

Богатый гроб Трофима повезли на кладбище Александро-Невской лавры. За гробом шла толпа знакомых, ездивших на богатые обеды и ужины богача-золотопромышленника. Один проповедник, славившийся тогда в Петербурге даром красноречия, произнес надгробное слово и много говорил о добродетели, благочестии и счастливой жизни усопшего. Никто, кроме бога, не знал о преступлении Трофима, ни о том, какое наказание постигло его с той минуты, как он потерял в себе бога.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!